

Указанные расхождения могут быть обусловлены как различиями в культурных традициях, так и действием системно-языкового фактора (например, склонность к выполнению «женских» работ может отчасти объясняться языковой игрой, основанной на аттракции мужского имени *Jean* к его женской паре — *Jeanne*).

Е. Е. Стефанский

Самарская гуманитарная академия, Самара
estefanski@rambler.ru

Обряд «Конница королей» и ключевые концепты чешской лингвокультуры в романе М. Кундеры «Шутка»

Обряд «Конница королей» композиционно связывает все семь частей романа «Шутка», написанных от имени разных героев и относящихся к различным отрезкам их жизни. Для понимания произведения важны не только и не столько воспроизводимые автором фрагменты данного ритуала, сколько его семиотика, на подсознательном уровне понятная носителям чешской культуры.

Кундера и его герои справедливо полагают, что «Конница королей» восходит к языческим временам и является памятью об обрядах посвящения мальчиков в мужчин [см.: СД, 4, 189].

Чешский язык зафиксировал в форме существительного во множественном числе (*Jízda **králů*** «Конница к о р о л е й») память о коллективном характере ритуала. Кроме того, существуют другие названия этого обряда (*honit krále* <гнать короля>, <охотиться на короля>, *voditi krále* <водить короля>, *stínání krále* <обезглавливание короля>, *chodit s králem* <ходить с королем>, *hledat krále* <искать короля> [СД, 3, 609]), где король является не субъектом, а объектом, — более того, объектом, над которым нередко совершается насилие.

Объяснение такого рода названиям можно найти в элементе королевского обряда, который не упоминается в романе «Шутка». По свидетельству этнографов, мужские королевские обряды у западных славян

заканчивались символической казнью «короля» и купанием «короля», которое имело цель вызывания дождя. В Южной Чехии избранного «короля», босого и без сабли, вели к пруду и бросали в воду его корону, которую он должен был выловить.

В сущности, вся жизнь главного героя романа, Людвика Яна, строится как цепь увенчаний и развенчаний «короля». Так же, как «король» в обходном обряде или жених в обряде свадебном никогда не был субъектом свадьбы, Людвик, по его собственному признанию, «был скорей объектом, нежели субъектом всей своей истории». Жизнь Людвика — это синусоида, в которой каждый минимум или максимум строится на оппозиции «смешное — серьезное».

В художественном дискурсе романа находят отражение древнейшие ментальные модели, связанные с обрядом инициации. Эти модели формируют специфические чешские эмоциональные концепты «*lítost*» и «*zášť*». Так, в сцене разрыва с Люцией актуализируется концепт «*lítost*» [см.: Агранович, Стефанский, 2003, 88–121; Стефанский, 2008, 178–191]. Эту эмоцию через 12 лет после «Шутки» в романе «Книга смеха и забвения» Кундера определит как «мучительное состояние, порожденное видом собственного, внезапно обнаруженного убожества». Кундера очень точно уловил, что *литость* «никогда не обходится без патетического лицемерия», иными словами, человек, испытывающий ее, лишь одному себе признается в истинных причинах неожиданной вспышки своей агрессии. Именно такая ситуация возникает в отношениях между Людвиком и Люцией.

Расставание с Люцией, военная тюрьма, вынужденная работа на рудниках, по наблюдениям Ярослава, не сделали из Людвика «сломленного нытика», наоборот, «в нем появилась какая-то грубость, жестокость». Однако его злость из-за сломанной жизни оказалась сосредоточена на нескольких личностях и явлениях, с которыми было связано несправедливое осуждение, — на демагоге Павле Земанеке, на пропагандистском образе Юлиуса Фучика, который использовал Земанек в своей обвинительной речи на партсобрании, и даже на моравской народной музыке, которой Земанек, стремясь быть ближе к народу, увлекался. И здесь актуализируется еще один специфический чешский концепт — «*zášť*», который подразумевает затаенный гнев, «отложенную» ненависть. После случайного знакомства с женой Земанека Геленой у Людвика рождается план мести: «Я создал его в своих

мечтах силой пятнадцатилетней ненависти (*patnáct let trvající zášti*) и ощутил в себе буквально непостижимую уверенность, что он удачи и осуществится в полной мере».

В конце наполненного событиями дня «чары», околдовавшие Людвика пятнадцать лет назад, вдруг спадают. Избавившись от много лет вынашиваемой ненависти к Земанеку, Людвик избавляется и от ненависти к тому, что имеет непреходящую ценность. Играя, как в юности, в народном ансамбле, он ощущает древний синкретизм настоящих чувств и страстей, освобожденный от условностей современной цивилизации. С точки зрения мифологического сознания, только сейчас Людвик обретает способность «социализировать» свои эмоции, становясь не объектом, а субъектом своей жизни, настоящим «статусным мужем».

Агранович С. З., Стефанский Е. Е. Миф в слове: продолжение жизни. Самара, 2003.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. М., 1999–2012.

Стефанский Е. Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара, 2008.

В. И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград
suprun@vspu.ru

Аббревиация и инициальность в ономастике

Закон экономии языковых (речевых) средств, известный также как «принцип лени» [АРСЛС, 191], отражает один из основных стимулов развития языка — необходимость в процессе коммуникации передать максимум информации с помощью минимального набора средств. Он носит универсальный характер, проникает во все уровни языковой системы. В его основе лежат стремления человека все свои действия производить с максимальной эффективностью и с минимальным

© Супрун В. И., 2015